

политической системы и как фактор прогресса демократии только в том случае, если мы имеем в виду, что общество (как это имело место во многих европейских государствах и в Северной Америке) уже заняло в политической игре выгодную и прочную позицию, осознало свои отличные от государства интересы и возможности и всегда готово стать противовесом государственной активности в политике.

Без соблюдения этого условия правовое государство становится инструментом усиления бюрократического контроля над обществом и разрушения связей, скрепляющих социальный организм. Правовое государство, таким образом, может послужить не только индикатором нынешнего состояния российского общества, его готовности, либо неготовности к включению в модернизационный процесс. Это еще и индикатор тенденций, на основании которых можно судить о том, насколько у российского общества вообще реальна перспектива восстановить ту целостность, которая была разрушена либеральными реформами и которая сегодня исследователями выдвигается в ряд значимых условий успешного завершения модернизации в России.

Примечания

- ¹ Мельвиль А. Ю., Стукал Д. К., Миронюк М. Г. Траектории режимных трансформаций и типы государственной состоятельности // Полис. 2012. № 2. С. 14.
- ² См.: Бобкова М. С. Периодизация западноевропейской истории в сочинениях мыслителей XVI–XVIII ве-

ков // Новая и новейшая история. 2009. № 1. С. 109–126.

- ³ В конце прошлого века известный специалист по геополитике Жак Аттали прогнозировал, что век наступающий будет временем «неокочевников». Он имел в виду определенную комбинацию основных тенденций в развитии мировых миграционных процессов, суть которой состоит в том, что сливаются два уровня стимулов к массовым миграциям. Один уровень стимулов формирует хроническая нищета большинства стран «третьего мира», и массовая эмиграция в развитые страны Запада становится своеобразным историческим реваншем «третьего мира» над бывшими колониальными метрополиями. Другой поток формируется на уровне политических, экономических и культурных элит. Богатые собственники и топ-менеджеры, обладатели эксклюзивной интеллектуальной собственности в условиях унификации систем обмена информацией и управления социально-политическими и экономическими системами свободно мигрируют по планете вслед за движениями капиталов. Причем современная виртуализация процессов в финансовой сфере создает для такого рода миграций очень благоприятные условия, делает их в полном смысле массовыми. Таким образом, формируется совершенно новая стратегия социальной стратификации, следствием которой является изменение самого смысла, который сегодня наука вкладывает в понятия «общество» и «элита» (см.: Халидов Д. Ш. Глобализация и миграция. Уроки Запада // Обозреватель / Observer. 2012. № 2. С. 7).
- ⁴ См.: Пономарева Е., Рудов Г. «Цветные революции»: природа, символы, технологии // Обозреватель / Observer. 2012. № 3. С. 38.

УДК 32.019.5 – 053.81

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ГЛОКАЛИЗАЦИЯ: СООТНЕСЕНИЕ ПОНЯТИЙ

А. В. Россошанский

Саратовский государственный университет
E-mail: vil57@yandex.ru

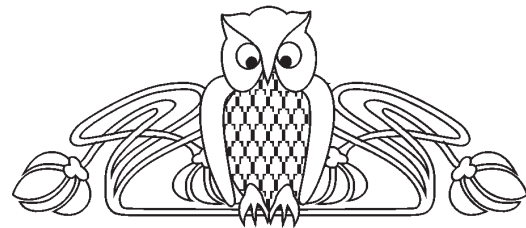
В статье рассматриваются основные трактовки понятий «глобализация» и «глокализация», их соотнесение друг с другом и возможности использования для анализа информационных процессов и медиасреды в современных условиях. Автором предложено собственное понимание роли процессов глобализации и глокализации в контексте эволюции представлений о политическом и информационном суверенитете.

Ключевые слова: глобализация, глокализация, информационное пространство, политический суверенитет, информационный суверенитет.

Globalization and Glocalization: Coordination of Notions.

A. V. Rossoshansky

The article considers the main understanding of the globalization and glocalization notions, their coordination and possibilities for analysis

of information processes and mass media in modern conditions. The author has offered his own understanding of globalization and glocalization processes role in the evolution of understanding of the political and informational sovereignty.

Key words: globalization, glocalization, information media, political sovereignty, information sovereignty.

Одним из новых и неустоявшихся понятий, используемых в политической науке, является «глокализация». Появилось оно в конце 1980-х – начале 1990-х гг. как реакция исследователей на критику процессов глобализации¹. Для обозначения диалектической взаимосвязи между глобальными и локальными процессами английский социолог Роланд Робертсон предложил такую модель, которая могла бы объединить одновременное

существование противоположных тенденций – к универсализации и партикуляризации. С этой целью было сконструировано гибридное понятие «глокализация» – из соединения двух слов: «глобализация» и «локализация»². Оно должно было синтезировать значения терминов «интернациональное», «транснациональное», «трансрегиональное», «транскультурное» и зафиксировать взаимодополняемость и взаимопроникновение глобальных и локальных тенденций³. Однако существующие в науке проблемы с интерпретацией данных понятий еще более усложнили содержательное наполнение категории «глокализация».

Изначально концептуальные трактовки соотношения данных тенденций были различны. Для Ю. Хабермаса, например, локальные процессы европейской интеграции представляли собой идеально-типическую модель, которую неизбежно придется перенять всему остальному миру. Такую цель он обосновывал в качестве стратегической задачи для европейских политических партий: «... в рамках национального пространства действий – единственного, где они могут актуально действовать, – они обязаны предвосхищать то, что произойдет в общеевропейском пространстве действий. Общеевропейское же пространство они опять-таки должны открывать с двойной целью: создать социум Европы, которая окажется весомой для космополитической чаши весов»⁴.

Подобная трактовка характерна и для У. Бека, который вслед за Р. Робертсоном доказывал, что локальное и глобальное не исключают друг друга, что движение во фрагментарной мозаике идет одновременно в разных направлениях – глобализация и регионализация, связь и фрагментация, централизация и децентрализация⁵. Глокализация, по мнению У. Бека, представляет собой «процесс новой всемирной стратификации, в ходе которой выстраивается новая, охватывающая весь мир и самовоспроизводящаяся социокультурная иерархия»⁶. Это модель транснационального негосударственного мирового общества, представляющая собой «многообразие без единства»⁷, которая противопоставлялась «контейнерной» модели, основанной на отождествлении пространственной и социальной дистанции обществ. У. Бек обосновывал, что новая модель предполагает возникновение «“транснациональных” жизненных миров», означающих «социальную близость, несмотря на географическую дистанцию, или социальную дистанцию, несмотря на социальную близость»⁸. Тем самым он утверждал, что процессы глобализации и локализации представляют собой одновременную процедуру распада мирового сообщества на подвижные фрагменты и их объединения в единую глокальную сеть.

Дж. Сорос также выдвигает подобное предложение: «Для стабилизации и подлинного регулирования мировой экономики нам нужна некая мировая система принятия политических решений. Иными словами, нам необходимо новое

мировое сообщество для поддержания мировой экономики. Мировое сообщество не означает мировое государство. Отмена государства не является ни реальной, ни желательной; но вплоть до настоящего момента, поскольку существуют общие интересы, выходящие за пределы государственных границ, суверенитет государств должен быть подчинен международному праву и международным институтам»⁹.

Как представляется, и в данном случае речь идет о построении такой глобальной модели мирового политического и социально-экономического устройства, в которой локальные процессы и интересы большинства регионов мира будут подчинены интересам тех субъектов, которые сегодня доминируют в международных институтах (то есть США и их союзникам по НАТО) и чаще всего эгоистически (или исходя из своего идеологически детерминированного понимания) трактуют международное право. На это указывает и сам Дж. Сорос, с сожалением констатируя, что США, «оставшись единственной сверхдержавой, не желают подчиняться какому-либо международному органу»¹⁰. В чем же смысл такой модели подчинения суверенитета государств общим интересам? Как представляется, именно в том, что определять сущность этих общих интересов будут США и их союзники.

Однако нельзя не согласиться с позицией, что «государства, как субъекты суверенных прав, сколь однообразно формально равны, столь же многообразно реально различны. Поэтому свести к общему знаменателю столь разнообразные национальные эгоизмы задача с неизвестным решением, а на почве меркантильных интересов, которые превалируют в общей массе интересов, эта задача может вообще и не иметь решения»¹¹. Именно в этом заключена конфликтность современных международных отношений, в которых не последнюю роль играют аргументы военной силы, политического и социально-экономического могущества отдельных государств или их объединений.

Говорить о доминировании международного права как главного регулятора процессов решения накопившихся мировых проблем очень дискуссионно, особенно с учетом постоянной практики применения двойных стандартов в отношении разных государств. В соответствии с ними, например, Саудовская Аравия как стратегический союзник США выведена из зоны критики за отсутствие демократических институтов и процедур. Страны же, которым наклеивают ярлык «изгои»¹², – не просто подвергаются критике, но подвергаются постоянному политическому, экономическому, информационному, а нередко и военному давлению.

Для его оправдания Дж. Сорос, забыв о верховенстве международного права, утверждает тезис, что «вмешательство во внутренние дела другого государства всегда чревато опасностью,

но отказ от вмешательства способен причинить еще больше вреда»¹³. Руководствуясь именно таким аргументом, США развязали две войны против Ирака. По прошествии почти десяти лет после окончания последней следов химического оружия в стране (опасность применения которого со стороны Саддама Хусейна стала формальным поводом для начала военных действий НАТО против Ирака) так и не нашли. Но и демократических институтов в результате дорогостоящей программы американских преобразований в Ираке как не было, так и нет. В результате вторжения страна ввергнута в перманентное, тлеющее состояние гражданской войны¹⁴, в ходе которой мирного населения погибло намного больше, чем за все время авторитарного правления Саддама Хусейна.

Подобная трактовка модели глокализации характерна и для отечественных исследователей. По мнению Ю. В. Лопуховой, принципиальная специфика адаптивных процессов глокализации состоит в том, что «они решают общую задачу глобализации – делокализацию, а соответственно и универсализацию и унификацию мира – не прямо и непосредственно, заменяя локальное глобальным, а опосредованно, с растяжкой во времени, через сеть промежуточных, с течением времени все более делокализованных состояний и явлений»¹⁵. Тем самым автор сводит суть глокализации к инструментальной второстепенной роли для выполнения главной задачи – реализации масштабных процессов мировой глобализации: «При всей преимущественной значимости для каждого народа своих локальных проблем понимание того, что существует и уровень общечеловеческих задач, становится все более явственным. Накопление средств массового уничтожения, ухудшение экологической обстановки, угрожающее жизни множества людей, мировые эпидемии, голодающее население целых регионов планеты и многое другое – все это задачи, которые невозможно разрешить усилиями какой-то одной страны»¹⁶.

Такая заузненная трактовка глокализации вызывает сомнение так же, как обоснование в свое время В. И. Лениным права наций на самоопределение во имя того, чтобы все народы могли объединиться в ходе мировой революции и растворить свою национальную идентичность в рамках бесклассового коммунистического общества. Если революцию заменить на глобализацию, то суть парадигмы останется идентичной.

Иногда высказывается мнение: зачем вводить термин «глокализация», когда многие процессы, характеризующие ее сущность и формы, вполне вписываются в понятие интернационализации? Между тем, по мнению Е. Ф. Авдокушина, «интернационализация является достаточно общим социально-экономическим процессом, сутью которого является всемирное обобществление производства, труда и других факторов. На определенном этапе интернационализация перерастает в глобализацию, но, тем не менее, остается

ее объективной и базовой основой. В нынешних условиях процесс глобализации начинает реализовываться в многообразных формах глокализации, дополняя, расширяя и углубляя свое содержание. При этом интернационализация по-прежнему остается объективной, сущностной основой глокализации, как и ранее глобализации»¹⁷.

А. Д. Богатуров обосновывает целесообразность использования идентичного глокализации понятия «конгломеративность», которое воплощает «единство разнотелностей, а не слитность в однородности». Это единство через соразвитие разного, а не через слияние в одинаковости. Для конгломеративного типа общества типичны «несквозные, опоясывающие связи», которые отличаются большей мягкостью и не рассчитаны на стимуляцию однородности. Отношения между анклавами в конгломератах, по мнению автора, построены не на синтезе и превращении одних форм в другие, а на параллельном – но разноплоскостном – соразвитии. Взаимодействие анклавов является косвенным, они взаимно влияют друг на друга, но не сливаются, утрачивая исходные качества»¹⁸.

На наш взгляд, именно такой подход представляется наиболее целесообразным для анализа взаимоотношений между понятиями глобализации и локализации, т. к. позволяет учитывать реальное многообразие мира и множественность конкретных интересов различных сообществ и национальных государств. Однако, как показал вышеприведенный анализ, большинство исследователей придерживаются универсалистской парадигмы процессов глобализации, в которой процессы глокализации занимают второстепенное место.

Обусловлено это тем, что реальная международная практика постоянно демонстрирует инструментальное использование демократических норм и принципов в качестве предлога для вмешательства во внутренние дела суверенных государств и достижения закамуфлированных социально-экономических и политических интересов ведущих мировых держав. В результате осуществляется целенаправленная активная экспансия в разных регионах мира и реализуется политика искусственной универсализации общественно-политического и социально-экономического устройства мира.

Неслучайно на основе сценарного анализа процессов глобализации и связанных с ними изменений функционирования национального государства А. Блинов моделирует три варианта развития событий: правовой, информационный и ресурсный.

Первый (консервативный, охранительный вариант развития), по мнению автора, предполагает доминирование правовых начал в подавляющем большинстве сфер жизни общества при сохранении тенденции к доминированию западной, европейской традиции правопонимания»¹⁹.

Согласно второму варианту огромная роль информации, существующая на настоящий момент, еще больше усилится. Появляются реальные возможности для стран, богатых человеческим потенциалом, улучшить свое положение в мире. Новые лидеры смогут использовать существующую правовую инфраструктуру для обеспечения и защиты своих интересов. Государство может утратить роль монопольного гаранта права. На смену национальному государству в его нынешнем виде могут прийти новые формы государственности. Ими могут стать особые надгосударственные образования (для их обозначения А. Блинов предлагает использование нового слова «поли-стат») с особым положением личности, структур гражданского общества, правовых регуляторов и демократических процедур, в которых власть и функции будут распределены по «нескольким уровням», а традиционная модель государства подвергнется размыванию²⁰.

Исходя из логики третьего сценария – ресурсного, в результате либо резкого удорожания энергоресурсов, либо вообще прекращения их поставки или блокирования каналов транспортировки нынешняя, в большей степени западная модель потребления, становится нежизнеспособной. Тем самым ставится под угрозу само существование западной цивилизации и системы ценностей. В результате развитые страны, обладая технологическим, военным, экономическим и политическим преимуществом, могут, по мнению автора, разработать концепции, согласно которым недра и их содержимое будут объявлены общемировым достоянием. Вследствие этого прогнозируется конфликт между развивающимися и развитыми странами. Если странам-экспортерам удастся отстоять свой суверенитет, то можно рассчитывать на новый расцвет национального государства в его классическом виде, так как это будет соответствовать интересам победителей и объективной ситуации, и мы сможем наблюдать некий неониндустриализм (новую волну индустриализации). В случае победы развитых стран на уровне международного права может быть закреплена иерархия государств, объем полномочий, юридический статус которых будет существенно различаться²¹.

Крайне неоднозначно оценивается исследователями место России в мировых глобальных преобразованиях. Например, по мнению И. Бусыгиной и А. Захарова, «превращение мира в глобальное целое застало Россию врасплох: переходное состояние, в котором мы оказались после краха коммунизма, не позволяет нашей стране в полной мере участвовать в строительстве нового мирового порядка. Иными словами, выступая мощным стимулом обновления российского общества, глобальные процессы в то же время угрожают “заморозить” наше нынешнее отставание и навечно превратить Россию в сырьевую кладовую стран-лидеров. Выбор отечественного пути будет определяться тем, как наше общество

сумеет адаптироваться к новым веяниям и какая линия в конечном счете возьмет верх – отторжение глобализации как “зловредной интриги Запада” или, напротив, восприимчивость к задаваемым ею новым правилам мышления и действия»²². Однако совсем недавний опыт 1990-х гг., когда российское руководство демонстрировало полную «восприимчивость» к либеральным рецептам Запада, тем не менее показал, что сильная и экономически процветающая Россия в новом глобализационном проекте никому не нужна, что ей предуготовлена роль «кладовой» сырьевых ресурсов, а еще лучше – раздробленной на несколько «суверенных» кладовок в национальных республиках.

Авторы с сожалением констатируют, что «радикальной смены парадигмы пока не произошло: за годы демократических реформ мы так и не смогли стать открытым обществом, ориентированным в будущее». При этом главная опасность видится авторам не столько в присущих обществу «фобиях славянофильского толка и диктуемых ими нерациональных стратегиях, сколько в явном отсутствии у нынешнего руководства продуманного и осмысленного суждения о том, что представляет собой новая эпоха и как надо реагировать на ее вызовы»²³.

По мнению Бусыгина и Захаровой, «в то время как некоторые социальные страны, и прежде всего образованная молодежь, с легкостью вписываются в новый миропорядок, другие слои и даже целые территории по-прежнему находятся за пределами современности. Более того, глобализация резко усиливает фрагментацию нашего общества как вертикальную, когда возникают огромные разрывы между “приобщившимися” и “не сумевшими приобщиться” слоями населения, так и горизонтальную, когда фундаментально усиливаются межрегиональные диспропорции»²⁴.

Как представляется, такая апологетическая позиция в отношении либерального вектора процесса глобализации не только не учитывает общенациональных интересов развития России, но и подводит теоретическую базу под обоснование такого соотношения понятий «глобального» и «глокального», которое оправдывает самодостаточное встраивание отдельных регионов Российской Федерации (прежде всего Москвы и С. Петербурга) в мировую систему экономических отношений без учета интересов других регионов. Это чревато самыми серьезными социально-политическими последствиями для развития России как суверенного и целостного государства.

О сложностях и рисках процесса глобализации предупреждают и многие западные исследователи, имеющие возможность познакомиться с не только положительными их результатами. О том, что глобализация представляет собой сложный и противоречивый процесс, связанный с рисками вероятностного характера его конечного исхода, предупреждал Э. Гидденс, обосновывающий необходимость своевременного анализа воз-

можных опасностей с точки зрения их будущих последствий²⁵. У. Бек также писал о необходимости предвидения еще не наступивших, но надвигающихся разрушений в результате процессов глобализации²⁶.

Таким образом, понятие глокализации было включено в политологический дискурс для того, чтобы, с одной стороны, смягчить критику в отношении того унифицированного либерально-демократического варианта мировых преобразований, которому должны были подвергнуться все страны в результате глобализационных процессов. С другой стороны, данное понятие стало отражением реальных и очень сложных процессов фрагментации мировой политической и социально-экономической системы после распада СССР и краха восточного блока.

Примечания

- ¹ Единства об авторстве данного понятия у исследователей нет. По мнению Е. Ф. Авдокушина, термином «глокализация» уже в 1980-е гг. оперировал руководитель японской корпорации «Сони» А. Морита. В его трактовке глокализация представляла как синтез локальных культур с достижениями глобальной мультикультурной цивилизации (см.: Авдокушин Е. Ф. Глокализация как объективный процесс и корпоративная стратегия // Вопросы новой экономики. 2010. № 2(14) С. 6). Однако большая часть исследователей связывает широкое внедрение понятия «глокализация» с именем английского социолога Р. Робертсона.
- ² См.: Robertson R. Globalization. L., 1992 ; *Idem*. Globalization : Space, time and local theory // J. of intern. communication. 1994. № 1 (1) ; *Idem*. Glocalization : Time-Space and Homogeneity-Heterogeneity // Global Modernities. L. ; Thousand Oaks ; New Delhi, 1997.
- ³ См.: Шинковский М. Ю. Глокализация как предмет научного исследования // Политика. 2008. № 2 (49). С. 50.
- ⁴ Хабермас Ю. Постнациональная констелляция и будущее демократии // Логос. 2003. № 5 (39). С. 152.
- ⁵ См.: Бек У. Что такое глобализация? М., 2001. С. 53.
- ⁶ Там же. С. 103.
- ⁷ Там же. С. 25.
- ⁸ Там же. С. 182.
- ⁹ Сорос Дж. Кризис мирового капитализма. Открытое общество в опасности. М., 1999. С. XXVI.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Азроянц Э. А. Глобализация : катастрофа или развитие? Современные тенденции мирового развития и политические амбиции. М., 2002. С. 119.
- ¹² Исламская республика Иран, например, по критериям наличия и реального функционирования демократических институтов и процедур в общественно-политической жизни может быть расположена намного выше Саудовской Аравии, но, тем не менее, отнесена к «странам-изгоям».
- ¹³ Сорос Дж. Указ. соч. С. XXVI.
- ¹⁴ О том, каким слабо результативным был процесс американской насильственной демократизации иракского общества, сообщил активный его участник Питер ван Бурен: «Проект обошелся американскому налогоплательщику в 63 миллиарда долларов – и счетчик продолжает крутиться – но при всей немыслимой щедрости финансирования, как выяснила правительственная инспекция, усилия были сведены на нет огромным количеством бессмысленных трат, неэффективностью, управленческими ошибками, неверными выборами направления и уязвимостями структуры» (Бурен П. «Мы хотели как лучше» : как я помог проиграть войну за сердца и умы иракского народа. URL: http://www.inosmi.ru/op_ed/20120610/193397549.html (дата обращения : 10.06.2012)).
- ¹⁵ Лопухова Ю. В. Толерантность в контексте глобализации // Изв. Самар. науч. центра РАН. 2009. Т. 11, № 4. С. 865.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Авдокушин Е. Ф. Указ. соч. С. 16.
- ¹⁸ См.: Богатуров А. Д. Современный мир: система или конгломерат? Опыт транссистемного подхода // Богатуров А. Д. Очерки теории и политического анализа международных отношений. М., 2002. С. 133–134.
- ¹⁹ См.: Блинов А. С. Национальное государство в условиях глобализации : контуры построения политико-правовой модели формирующегося глобального порядка. М., 2003. С. 127.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Там же.
- ²² Бусыгина И., Захаров А. Sum ergo cogito. Политический мини-лексикон. М., 2006. С. 20.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Там же. С. 20–21.
- ²⁵ См.: Гидденс Э. Ускользающий мир : как глобализация меняет нашу жизнь : пер. с англ. М., 2004. С. 28.
- ²⁶ См.: Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / пер. с нем. В. Седелника и Н. Федоровой ; послесл. А. Филиппова. М., 2000. С. 38.